

УДК 321.015

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

И.И. Кузнецов

Саратовский государственный университет
E-mail: politbum@mail.ru

Статья посвящена анализу основных правовых позиций Конституционного суда России и их влиянию на реализацию конституционного принципа разделения властей. Автор обращается к наиболее важным решениям Конституционного суда РФ, повлиявшим на распределение полномочий и ответственности органов государственной власти.

Ключевые слова: Конституционный суд России, государственная власть, политические институты, современные политические процессы России, Президент РФ, разделение властей, сдержки и противовесы.

The Legal Position of the Constitutional Court in Implementing the Principle of Separation of Powers

I.I. Kuznetsov

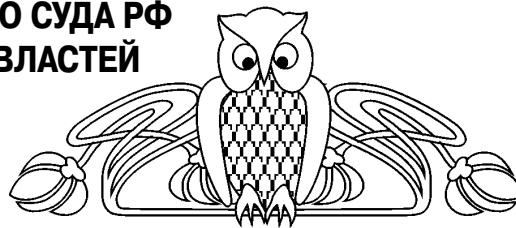
This article analyzes the principal legal position of the Russian Constitutional Court and its impact on the implementation of the constitutional principle of separation of powers. The author addresses the most important decisions of the Constitutional Court affect the distribution of powers and responsibilities of public authorities.

Key words: Russian Constitutional Court, government, political institutions, current political processes in Russia, Russian President, separation of powers, checks and balances.

Принцип разделения властей относится к ряду общих признаков демократического правового федеративного государства. В российской Конституции 1993 г. данный принцип закреплен в качестве одной из основ конституционного строя, что предполагает особое к нему отношение и невозможность изменения путем принятия поправок к основному закону. Этот принцип обязателен не только для федерального уровня, но и для организации государственной власти в субъектах Российской Федерации.

Согласованное функционирование ветвей власти и реализация механизма «сдержек и противовесов» зависит от многих факторов, но одним из важнейших представляется деятельность судебной ветви власти. В рамках данной публикации преследуется цель проанализировать основные решения Конституционного суда РФ, решающим образом повлиявшие на политическое становление, институционализацию разделения властей в нашей стране.

В правовой науке данный вопрос рассматривается, как правило, в контексте анализа конкретных механизмов и процедур обеспечения конституционного надзора и контроля. При этом учитываются и зарубежный опыт конституцион-

ного права, и особенности становления отечественной конституционной юстиции¹.

Полагаем наиболее важным сконцентрировать внимание на некоторых узловых вопросах деятельности Конституционного суда РФ (КС). Особенность юридической природы КС такова, что он должен не только применять Конституцию и право, но и в определенной мере «творить» его. Этот аспект дает почву для споров даже в странах, имеющих богатые традиции судебного конституционного контроля. По мнению американского юриста Л. Фридмана, «... суд идет дальше простой интерпретации. Суд изобретает и расширяет конституционную доктрину; некоторые из положений доктрины связаны с основным текстом легкими паутинками, если вообще связаны»². В этом положении, на наш взгляд, проявляется констатация особой важности роли Верховного суда США в реальности феномена «живой Конституции», обеспечивающего динамизм механизма разделения властей и всего правового поля³.

В правовой системе России официальное толкование Конституции (согласно ст. 125) предоставлено исключительно Конституционному суду РФ. Этот орган принимает такие акты толкования, которые строго обязательны для всех субъектов российского права и имеют, по существу, нормативный характер. Таким образом, это отличает КС от всех иных судов или иных органов государственной власти, которые могут в своей деятельности руководствоваться краткосрочными интересами или принимать решения под давлением различных общественных групп. «В этом смысле КС является хранителем долгосрочных конституционных ценностей, на основе которых выверяются решения органов законодательной или исполнительной власти», – пишет известный юрист, бывший судья Конституционного суда РФ, ныне президент Карачаево-Черкесской Республики Б.С. Эбзеев⁴. Здесь стоит добавить, что решения суда уточнили его собственные полномочия. Отныне суд общей юрисдикции или арбитражный суд, придя к выводу о несоответствии федерального закона или закона субъекта федерации, не вправе применить его в конкретном деле и обязан обратиться в Конституционный суд РФ с запросом о проверке конституционности этого закона⁵. Тем самым роль КС, на наш взгляд, как гаранта соблюдения механизма разделения властей усилена его возможностью контролировать процесс

«очищения» законодательства от противоречий и коллизий.

Остро стоит проблема соотношения собственно «политического» и «правового» начала в деятельности КС. Некоторые авторы указывают на то, что «в стремлении не быть втянутым в политическое противостояние <...> и затянуть рассмотрение вопросов огромной важности КС может подтолкнуть государственную власть к параличу»⁶. Тем самым фиксируется неизбежная «привязанность» конституционного правосудия к политике. Другие ученые полагают, что «конституционное правосудие находится вне трех властей, обеспечивая соблюдение ими своих полномочий»⁷, а следовательно, отрицается безусловность его политизированности. Некоторые исследователи предпочитают вообще рассматривать конституционный контроль в широком значении этого понятия, охватывая наряду с судебным конституционным контролем и иные формы (парламентские, контроль главы государства и т.п.), как особую власть – контрольную⁸. Последнее широкое понимание, в конечном счете, ведет к несколько иному взгляду на доктрину «сдержек и противовесов», так как их можно рассматривать только как формы контроля и взаимоконтроля.

Полагаем, что любые решения КС по вопросам толкования, превращения или конкретизации норм Основного закона не могут удовлетворять **всех** участников возможного спора или **все** политические силы, действующие в обществе (даже если их цели и деятельность тождественны конституционному строю). Поэтому обвинения в излишней политизированности суда, наверное, всегда неизбежны. Другое дело – поиск «своей золотой середины» для КС РФ между юридизацией политики и политизацией конституционного правосудия⁹.

На сегодня этот поиск показал реальные позитивные результаты работы КС и некоторые его «промахи» в области регулирования механизма разделения властей.

Среди первых – восполнение ряда пробелов, «дыр» в Конституции, которые мешали целостному восприятию некоторых норм, давали возможность различных интерпретаций:

– постановление КС от 12.04.95 г. дало толкование ряда статей Основного закона, где использовались понятия «общее число депутатов Государственной Думы» и «общее число членов Совета Федерации». Было четко зафиксировано это число, то есть 450 и 178, тем самым удалось избежать ситуаций, когда многие законы и другие важные акты могли быть приняты даже в условиях вакантности значительной части депутатских мандатов¹⁰;

– в постановлении от 23.03.95 г. КС дал толкование ч. 4 ст. 105 и ст. 106 Конституции. Было сформулировано правило, определяющее рассмотрение закона, переданного из Государственной думы, не позднее 14 дней. Но если Совет

Федерации не завершил рассмотрения, то закон не считается одобренным и его рассмотрение продолжается на следующем заседании Верхней палаты до вынесения решения об одобрении или отклонении. КС, дав расширительное толкование, «закрыв» один из пробелов текста Конституции, потенциально таивший в себе зерно конфликта внутри представительной власти¹¹.

Но есть и иные примеры толкования, которые, на наш взгляд, не столь успешны и дестабилизируют механизм взаимодействия властей.

В постановлении КС от 30.04.96 г. признано соответствующим основному закону издание указов президента РФ, «восполняющих пробелы в правовом регулировании по вопросам, требующим законодательного решения, при условии, что такие указы не противоречат Конституции РФ и федеральным законам, а их действие во времени ограничивается периодом до принятия соответствующих законодательных актов»¹². Несмотря на закрепление в решении КС принципа временности действия таких указов, представляется весьма спорным давать столь широкие возможности президенту. Учитывая чрезмерную персонализированность российского политического режима, слабость институтов и повышенную конфликтность происходящих процессов, такие возможности необходимо скорее ограничивать и строже обуславливать.

Явление «указного права», которое наблюдалось в 1990-е гг. и отчасти присутствует в нынешней политической практике России, правоведы оценивают как конфликт между указом и законом. Подчеркивается искажение той социальной и нормативной сущности законодательства страны, которое возникает при активном использовании главой государства такого серьезного инструмента. На наш взгляд, такое положение может быть объяснимо с позиции политологической интерпретации так называемой политической целесообразности. Президент Б.Н. Ельцин в своем Послании Федеральному собранию в 1995 г. заявил, что «пока нет соответствующих законов, указы остаются полноценной правовой базой для возникновения, прекращения и изменения тех или иных общественных отношений»¹³.

В конечном счете подобное положение дел определяется несогласованностью действий законодательной и исполнительной власти. Более того, здесь налицо все та же «игра на опережение», когда исполнительная власть, будучи по природе своей более динамичной и оперативной, использует свои возможности «возвышения» над законодательной. Видный историк права З.М. Черниловский писал: «Многовековой опыт показал, что исполнительная власть по природе своей стремится к независимости и бесконтрольности. Этому способствуют многие факторы: возможность опереться на бюрократический аппарат, ею же создаваемый... распоряжение орудиями принуждения; возможности привлечения на свою

сторону той части депутатского корпуса, которая подвержена коррупции... владение информацией, связанное с безнаказанностью ее сокрытия и извращения...»¹⁴.

Исходя из законоопределяющей роли указов уже в Послании к ФС 23 февраля 1996 г. президент вновь почти дословно подтвердил свою позицию: «Пока не соблюдаются законодательные приоритеты, определенные предыдущим посланием... Президент должен выпускать указы по тем ключевым вопросам, которые не урегулированы действующим законодательством»¹⁵. Безусловно, тем самым президент «возложил на себя функцию установления приоритетов законодательства... и присвоил право восполнять пробелы в действующем законодательстве»¹⁶.

Однако, на наш взгляд, явление «указного права» в России не может быть однозначно признано только исключительным нарушением принципа разделения властей (хотя само по себе это, конечно, так). Но это явление стоит рассматривать и как инерцию переходного состояния политической системы в целом, качественную неопределенность в сферах компетенции и наборе полномочий ветвей власти. Президент, с одной стороны, выступает как главный движущий элемент политического процесса, издавая нормативные указы, он осуществляет как бы «разведку боем», выходя зачастую за пределы конституционного поля (это, собственно, и является нарушением принципа разделения властей). Тем самым как бы создается некая основа для проведения политических стратегий «в обход» конкурирующей ветви власти. С другой стороны, этот процесс может быть и вполне законным (с точки зрения формального соответствия правовым нормам), но не совсем безупречным с позиции направленности политического действия. Здесь мы имеем в виду такие факты, как, например, длительное сохранение на ведущих постах и.о. (исполняющих обязанности) каких-то чиновников, «продавливание» своих кандидатов на ключевые государственные должности (к примеру, судей КС, ВС и ВАС, Генерального прокурора) и т.д.

Все это дает нам возможность оценивать феномен «указного нормотворчества» в РФ не только и не столько как каприз или личное властное устремление президента, грубое нарушение принципа разделения властей. Здесь мы имеем дело, скорее, с одним из методов осуществления государственной власти центральным институтом политической системы в условиях слабости, неформальности других. Кроме того, наличие взаимобусловленности влияния: кризис власти предопределяет нарушения законности, последние же усугубляют кризис власти!

Подобное явление в Латинской Америке (да и в других транзитных режимах) принято называть декретизмом. По мнению видного аргентинского политолога, лихорадка решений в условиях «делегативной демократии» (термин

Гильермо О'Доннела) представляет собой нескончаемую цепь поспешных односторонних актов исполнительной власти. Причем эти акты практически не выполняются, так как затрагивают очень важные политически организованные интересы. «В условиях тяжелого кризиса и растущего недовольства прибегают к новой серии решений, вероятность исполнения которых еще ниже, так как на разных уровнях общества уже имеется опыт противодействия предыдущим решениям. Наряду с этим большинство политических, социальных и экономических субъектов могут заявлять о снятии с себя ответственности за способ принятия этих решений. Власть была делегирована президенту и он поступал, сообразуясь только со своими представлениями о благе»¹⁷.

Конституционный суд России принял несколько важных постановлений, касающихся непосредственно толкования положения ст. 10 Конституции РФ, закрепляющей разделение властей¹⁸. Однако в целом правовые позиции данного судебного органа выражены намного шире, поскольку были сформированы в ходе рассмотрения обращений, иногда напрямую не связанных с принципом разделения властей, но затрагивающих его реализацию в политической практике.

Не ставя своей целью рассмотреть большую часть практики КС, связанной с «настройкой» механизма разделения властей, мы все же не можем не обратить внимание на некоторые ключевые решения.

Очень серьезную роль сыграло дело о проверке КС РФ в июне-июле 1995 г. ряда правовых актов президента и правительства РФ, принятых в связи с урегулированием вооруженного конфликта в Чеченской Республике. Не касаясь собственно правовой части этого дела, считаем необходимым отметить явное расхождение позиций законодательной и судебной ветвей власти.

Военные действия в Чечне критиковались в Государственной думе и справа¹⁹, а Конституционный суд, признав своим постановлением от 31 июля 1995 г.²⁰, что президент РФ не превысил своих полномочий, введя войска в декабре 1994 г. в Чечню, вызвал неоднозначную реакцию в обществе²¹. Даже учитывая неоднородность точек зрения судей КС (ряд из них резко возражал, и каждый заявил особое мнение по данному делу²²), в целом его позиция оказалась ближе к президентской, то есть фактически одобрила его действия²³. Именно это решение вызвало шквал обвинений в сервильности и несамостоятельности КС в СМИ.

Решение по этому делу имело вполне определенную политическую подоплеку, так как было принято по «горячим следам» июньского кризиса правительства в 1995 г. После выражения вотума недоверия кабинету министров Государственной думой (повод – события в Будённовске) президент заявил о своей поддержке правительства, а его глава В.С. Черномырдин поставил перед парламен-

том встречный вопрос о доверии своей команде. Рискавая быть быстро распущенной, Государственная дума «сдалась». Поэтому, весьма вероятно, КС тоже «сдался», предполагая, какой эффект может произвести признание рассматриваемых актов главы государства неконституционными. Реально это только подтолкнуло бы конфронтацию ветвей власти, хотя такое признание указов неконституционными само по себе еще не решало бы проблемы сецессии Чечни, ведения боевых действий, переговорного процесса и т.д. Долгосрочные последствия решения КС заключаются, на наш взгляд, в том, что была расширена компетенция главы государства в использовании вооруженных сил на территории страны. Сработал механизм государственной дискреции²⁴.

Кризисные события 1998 г. высветили очень важную проблему «запаздывания» решений КС, так как тот считает, что нет критериев для установления важности и приоритетности (внеочередности) рассмотрения того или иного дела. Этим объясняется появление решения о том, «какой номер у нынешнего Президента РФ» и может ли он избираться на третий срок²⁵ уже после заявления самого Ельцина о нежелании переизбираться. Время от появления запроса депутатов Государственной думы в КС (29 октября 1997 г.) до принятия соответствующего решения самим президентом (весна 1998 г.) – период «повышенной напряженности» дискуссий по данной проблеме (полярность оценок: от заявления представителя Администрации Президента С. Ястржембского в Страсбурге, что Основной закон позволяет Ельцину переизбираться до полного отрицания этого оппозицией в парламенте)²⁶. Полагаем, такое «запаздывание» могло дорого стоить. Если учесть, что по новому Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде РФ» от 21.07.94 г. этот орган, в отличие от своего предшественника образца 1991–1993 гг., имеет гораздо меньший объем прав «активного» влияния, то представляется весьма вероятным сценарий опасного конституционного кризиса. Весной 1998 г. ни законы, ни Конституция не определяли «цепочки» передачи президентской власти на случай форсмажорных обстоятельств, так как она была ограничена «одним звеном» – «премьерским» (ст. 92 ч. 3) в отсутствие утвержденного Думой главы кабинета. В сложившихся условиях КС не взял на себя инициативы и ответственности толковать Конституцию и «продлить» цепочку передачи полномочий президента. Тем самым орган конституционного правосудия уклонился от разрешения серьезного государственного вопроса и в какой-то мере спровоцировал новый виток небрежения к конституционной модели государственной власти в обществе и активных настроений по «перекраиванию» всего текста Основного закона среди политических элит.

Такое же «запаздывание» в некоторой степени определило многие трудности взаимодействия

парламента и президента в вопросе назначения главы правительства. Еще 20 апреля 1998 г. Государственная дума инициировала запрос в КС о толковании ч. 4 ст. 111 Конституции по вопросу, вправе ли президент представлять думе уже отклоненную кандидатуру. Рассмотрение этого дела в суде началось уже после двухкратной попытки «продать» В.С. Черномырдина в премьер-министры, то есть уже на новом «осеннем» этапе кризиса²⁷.

В целом же такую осторожность КС можно расценивать, с одной стороны, как стремление избежать излишней политизированности, ситуативной конъюнктурности, а с другой – как определенную скованность, груз тяжелого «наследия» опыта старого КС образца 1991–1993 гг., пострадавшего в ходе кризиса власти, нежелание «подставляться». Все это осложняет процесс становления нынешнего суда, снижает эффективность многих его решений и в целом умаляет его значимость в системе разделения властей.

Одно из последних по времени и весьма значимых для реализации принципа разделения властей решений – урегулирование вопроса о наделении полномочиями руководителя высшего органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Этот вопрос решался в течение длительного периода по-разному с 1996 по 2005 г.

Одна из первых правовых позиций Конституционного суда РФ по данной проблеме была сформулирована в апреле 1996 г.²⁸ На тот момент Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» еще не был принят. В соответствии с Указом Президента РФ № 1969 в случае отсутствия у субъекта Российской Федерации собственного законодательства о выборах назначение на должность и освобождение от должности главы администрации осуществлялось главой государства. Конституционный суд РФ признал оспариваемые положения указа соответствующими Конституции РФ. Таким образом, в 1996 г. была впервые сформулирована правовая позиция, позволяющая президенту РФ назначать главу администрации субъекта Российской Федерации.

В 1999 г. был принят Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», закреплявший порядок избрания гражданами высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Данный порядок и ранее рассматривался Конституционным судом РФ в качестве наиболее точно соответствующего основам конституционного строя. Было бы вполне логично, если бы данный порядок стал объектом защиты Конституционного суда РФ и в дальнейшем. Однако в 2002 г. принцип «получения мандата непосредственно от народа» и ответ-

ственности перед ним стал объектом очередного острого спора. Принцип затрагивался не прямо, а опосредованно, поскольку речь шла о порядке отрешения главы субъекта Российской Федерации от должности²⁹. В соответствии с названным федеральным законом отрешение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности осуществляется указом президента РФ после ряда предварительных процедур, включающих решение суда общей юрисдикции. Конституционный суд РФ признал закрепленное за президентом РФ федеральным законом новое полномочие соответствующим Конституции РФ.

В 2004 г. в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» были внесены поправки, в соответствии с которыми глава администрации субъекта Российской Федерации избирается законодательным органом субъекта Российской Федерации по представлению президента РФ. Оспариваемые положения федерального закона, согласно которым гражданин РФ наделяется полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации по представлению президента РФ, были признаны соответствующими Конституции РФ. В аргументации Конституционного суда РФ имеется и такое утверждение: «... правовые позиции, сформулированные Конституционным судом Российской Федерации... применительно к проверяемому нормативному акту в системе прежнего правового регулирования и имевшей место в то время конституционной практики, могут уточняться либо изменяться, с тем, чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования»³⁰.

Итак, Конституционный суд РФ в данном случае признал конституционными дополнительные полномочия президента, чем существенно скорректировал предыдущие собственные позиции в этом вопросе. Такое решение в какой-то мере способно нарушить реализацию принципа разделения властей, предусмотренного Конституцией. Эти «новые полномочия» позволяют президенту РФ де-факто контролировать кадровый состав Совета Федерации. Члены верхней палаты назначаются главами субъектов Российской Федерации, определять которых, в свою очередь, теперь может президент РФ. В результате утрачивают значение противовесы, связанные с функционированием верхней палаты, то есть последняя, будучи полностью контролируемой главой государства, не может быть полноценным элементом модели разделения властей, предусмотренной Конституцией РФ.

Все это в целом говорит о том, что позиции Конституционного суда РФ в отношении

сложившейся модели разделения властей очень осторожны и политически ориентированы на консервацию сложившегося порядка. Именно это вызывает довольно противоречивые суждения о необходимости введения нового института конституционного контроля – «политического трибунала», который, используя «согласительные процедуры, в конечном счете мог бы принимать решения, обязательные для всех участников конституционного процесса в РФ»³¹. По замыслу автора этого предложения, известного правоведа Н.М. Колосовой «трибунал» мог бы действовать наряду с КС, но полномочия его были бы шире полномочий последнего – «давать толкование “политической” конституции и тем самым изменять “правила игры” между органами власти»³². Полагаем, введение такого института в РФ может вызвать нежелательные столкновения в государственном механизме, осложнить его работу. Вполне вероятно использование его в качестве инструмента сведения политических счетов, так как «его санкции будут направлены в конечном счете на исключение из политической жизни тех лиц и органов, которые нарушили “правила игры”»³³, что не может стабилизировать развитие политического процесса. Кроме того, разведение компетенций регулирования КС и «трибунала» – текст Основного закона и «политическая конституция» соответственно – даст прецедент противопоставления этих составляющих всего конституционного поля России. Представляется необходимым очень взвешенно относиться к такого рода нововведениям, имея в виду зарубежный опыт³⁴. Гораздо более перспективным выглядит углубление имеющейся практики КС и, возможно, придание разумного динамизма его деятельности (принятием специальной поправки к федеральному конституционному закону, то есть без нарушения конструкции власти, закрепленной в Основном законе).

В этой связи стоит, на наш взгляд, внимательно отнестись к недавним публичным высказываниям известного отечественного правоведа и Председателя Конституционного суда РФ В.Д. Зорькина. Опытный российский политик обратил внимание участников первых «Сенатских слушаний» (публичных дискуссий, посвященных обсуждению идей и задач правового государства, в частности в условиях экономического кризиса) на то, что роль государства в России должна повышаться в связи с необходимостью преодоления последствий финансово-экономического кризиса и потребностью в модернизации. В.Д. Зорькин использовал музыкальный образ для того, чтобы обосновать свой тезис: фрагмент 40-й Симфонии Моцарта звучит в трех разных вариантах (искаженный замедленный темп символизировал бездействие государства, ускоренный – поспешность, а идеальный – эталон, золотая середина, к которой нужно стремиться). Найти эту золотую середину политикам должны помочь юристы: «вся

атмосфера способствует тому, чтобы КС проявил активность в сегодняшней сложной ситуации»³⁵. Журналисты обратили внимание на то, что в выступлении главы КС звучал тезис о неизбежности авторитаризма со ссылками на исторический опыт и лидеров – Франклина Делано Рузвельта и Шарля де Голля.

Таким образом, наблюдаемая в течение длительного времени осторожность и осмотрительность Конституционного суда РФ в определении своей позиции относительно реализации принципа разделения властей связана с пониманием руководством данного государственного института ценности государства, необходимости сохранения политической стабильности и правовой преемственности в развитии страны. Кроме того, по-видимому, играет важную роль личный опыт судей КС в исследовании политико-правовой жизни современных государств, наблюдении тенденций развития отечественного правопонимания и правосознания. Наконец, не стоит забывать и о том, что КС является, пожалуй, пока единственным важным государственным институтом, который пережил «переезд» из Москвы в Санкт-Петербург, что в какой-то степени формирует его несколько отстраненное от политических баталий положение.

Примечания

- 1 См.: *Нудель М.А.* Конституционный контроль в капиталистических государствах. М., 1968; *Туманов В.А.* Судебный контроль за конституционностью нормативных актов // Советское государство и право. 1988. № 3; *Бланкенегель А.* Теория и практика конституционного контроля в ФРГ // Советское государство и право. 1989. № 1; *Овсеян Ж.И.* Правовая защита Конституции. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Ростов н/Д, 1992; *Белкин А.А.* Конституционная охрана: три направления российской идеологии и практики. СПб., 1995; *Хабриева Т.Я.* Правовая охрана Конституции. Казань, 1995; и др.
- 2 *Фридман Л.* Введение в американское право. М., 1993. С. 152.
- 3 См.: *Согрин В.В.* В чем сила политической системы США // Общественные науки и современность. 1990. № 5. С. 76–83; Судебные системы западных государств. М., 1991; *Егоров С.А.* Политическая система, политическое развитие, право: критика не-марксистских политологических концепций. М., 1983. С. 168–172; *Мишин А.А., Власихин В.А.* Конституция США: политико-правовой комментарий. М., 1996; *Харрел М.Э., Андерсон Б.* Равное правосудие на основе закона. Верховный Суд в жизни Америки. М., 1995.
- 4 *Эбзеев Б.С.* Конституция. Демократия. Конституционный Суд. М., 1997. С. 121.
- 5 См.: *Катанян К.* Сам себе судья. Конституционный Суд РФ уточнил собственные полномочия // Независимая газета. 1998. 17 июня. С. 3.
- 6 *Румянцев О.Г.* Разрешить кризис обязан Конституционный Суд // Независимая газета. 1998. 23 апр.
- 7 Сравнительное конституционное право. М., 1996. С. 165.
- 8 См.: *Шульженко Ю.Л.* Конституционный контроль в России. М., 1995. С. 16.
- 9 Вопросы политической функции органов судебного конституционного контроля рассматривают также и другие. См.: *Егоров С.А.* Политическая роль судов: судебный конституционный контроль // Судебные системы западных государств. М., 1991; *Эбзеев Б.С.* Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5–14; *Хабриева Т.Я.* Толкование Конституции РФ. Теория и практика. М., 1998.
- 10 См.: Российская газета. 1995. 21 апр.
- 11 См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3.
- 12 Российская газета. 1996. 15 мая.
- 13 Российская газета. 1995. 17 февр.
- 14 Право и власть. М., 1990. С. 58.
- 15 Российская газета. 1996. 24 февр.
- 16 *Лучин В.О.* «Указное право» в России. М., 1996. С. 23.
- 17 *О’Доннел Г.* Делегативная демократия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem.01.htm> (Пределы власти. 1994. № 1) (дата обращения: 15.10.2001).
- 18 См.: Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России. М.: Ин-т права и публичной политики, 2005. С. 56–62.
- 19 См.: *Шохин А.Н.* Взаимодействие властей в законодательном процессе. М., 1997. С. 81.
- 20 Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П по делу о проверке конституционности Указа Президента РФ от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента РФ от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3424.
- 21 См.: Правовые аспекты чеченского кризиса: Материалы семинара. М., 1995; *Мизулина Е.Б.* Чеченский кризис и конституционное правосудие // Свободная мысль. 1995. № 9. С. 20–30.
- 22 См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.
- 23 См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Политико-правовые режимы: актуальные аспекты // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 68–69.
- 24 Определение понятия «дискреция» (лат. *discretio* – решение по своему усмотрению) встречается в некоторых современных словарях и энциклопедиях. Дискреция

- (дискреционные полномочия, дискреционная власть) определяется как потенциальное (скрытое) полномочие должностного лица или органа государственной власти, проявляющееся, как правило, в силу умолчания закона (подзаконного акта). См.: Современный словарь иностранных слов. М.: Русс. яз., 1994. С. 205; Юридическая энциклопедия. М.: Изд-во М.Ю. Тихомирова, 2000. С. 24.
- 25 П. 3 ст. 81 Конституции РФ – типичный «пробел» или «каучуковая формулировка»: «одно и то же лицо не может занимать должность Президента РФ более двух сроков подряд». Это буквально могло означать реальную возможность для Б.Н. Ельцина, по крайней мере, быть кандидатом в президенты, участвовать в выборах, так как по «велению» главы государства можно было доказать, что точка отсчета – 1996 г., то есть первые выборы по новой Конституции.
- 26 См.: Кувалдин В.Б. Уникальный шанс утвердить власть закона // Независимая газета. 1997. 24 окт.; Вишневецкий Б.Л. Борис Ельцин должен уйти в декабре 1999 г.? // Независимая газета. 1998. 28 февр.
- 27 См.: Ильина С. Отголоски «весеннего противостояния» властей // Независимая газета. 1998. 14 нояб.
- 28 См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1996 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 “О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации” и пункта 2.3 Положения о главе Администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 19. Ст. 2320.
- 29 См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 04 апреля 2002 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с запросами государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и совета Республики государственного Совета–Хасэ Республики Адыгея» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 15. Ст. 1497.
- 30 Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3. Ст. 336.
- 31 Колосова Н.М. Нужны ли стране правовые катаклизмы? В условиях политического конфликта необходимо иметь специальную инстанцию для официального толкования Конституции // Независимая газета. 1997. 5 нояб.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 См., напр.: Крутоголов М.А. Конституционный Совет Франции. М., 1993.
- 35 Пастухова Е., Пушкарская А. Конституционная симфония. Валерий Зорькин нашел музыкальный аналог вмешательству государства в экономику // Коммерсантъ. 2009. № 63(4118). 9 апр.

УДК 316.342.5

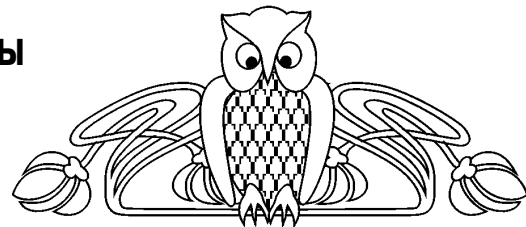
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ

В.А. Митрохин, С.С. Бигазиева

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: swetsb78@mail.ru

В статье исследуется эволюция научных взглядов на проблему политической оппозиции в процессе развития политических отношений в обществе. Анализируются сложившиеся подходы и представления разных авторов в западной и отечественной политологической традиции. Наряду с осмыслением самого понятия рассматриваются различные теоретико-методологические аспекты этого социально-политического феномена.

Ключевые слова: понятие, политическая оппозиция, теоретико-методологические аспекты, подходы, политические институты.

Theoretical and Methodological Aspects Explore the Concept of Political Opposition

V.A. Mitrokhin, S.S. Bigazieva

The article investigates the evolution of scientific views on the political opposition in the process of development of political relations in society. Analyzed existing approaches and views of various authors in the Western tradition of political and domestic. Along with the comprehension of the concept, discusses the various theoretical and methodological aspects of the socio-political phenomenon.

Key words: concept, political opposition, theoretical and methodological aspects, approaches, political institutions.